

Кулик Анна Валерьевна

президент

Викулова Анна Алексеевна

старший научный сотрудник

АНО ДПО «Научно-исследовательский Центр

корпоративной безопасности»

г. Москва

DOI 10.21661/r-119125

СИНТЕЗ ИСТОРИЧЕСКОГО И ПСИХОСОЦИАЛЬНОГО ПОДХОДОВ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ФЕНОМЕНА ИНДИВИДУАЛЬНОГО ТЕРРОРИЗМА В РОССИИ

***Аннотация:** в статье анализируется проблема индивидуального терроризма в России посредством использования традиционных методов – исторического и психосоциального, а также новационного – профайлинга. Сделаны выводы о том, что появление индивидуального терроризма носит закономерный характер.*

***Ключевые слова:** индивидуальный терроризм, профайлинг, становление личности террориста-одиночки.*

Различные виды терроризма оказывают огромное влияние на жизнь общества, создавая ему самые неблагоприятные условия существования. По этой и многим иным причинам терроризм стал предметом изучения многих научных дисциплин, особенно истории, политологии, права.

Менее всего терроризм изучен в психологии. Его исследование началось с середины 90-х XXв. (Н.В. Андреев, С.В. Асямов, В.Л. Васильев, М.И. Еникеев, М.М. Коченов, Н.Я. Лепешкин, Д.В. Олышанский, Т.Г. Стефаненко, А.М. Столяренко и др.). При этом исследователи терроризма больше внимания уделяли групповым его формам, нежели индивидуальному терроризму. Однако случаи с участием террористов-одиночек являются менее предсказуемыми, поэтому в большинстве случаев доводятся до своей конечной цели.

Полагаем, что синтез исторического и психосоциального подходов в изучении индивидуального терроризма позволяет лучше раскрыть его сущность. Так, исторические основания помогают определить диапазон охвата террористических актов, сделать вывод о последствиях их совершения, тогда как психосоциальный подход указывает на закономерности их повторения в каждом новом случае, определяет причины и степень влияния на человека, который совершил теракт, «позволяет исследовать личность как представителя данного поколения, данной эпохи, данной страны, а также в ее принадлежности определенному социальному слою» [1, с. 413]. По рассматриваемой категории дел, информации, как правило, немного. Поэтому в работе используется, появившийся в XX веке профайлинг, как один из перспективных методов получения информации о субъекте преступления.

С точки зрения С.Н. Богомоловой и В.А. Образцова под профайлингом понимают одну из разновидностей мысленной модели, включающей в себя систему сведений о психологических и иных признаках данного лица, существенных с точки зрения выявления и идентификации [3, с. 92].

Л.П. Конышева предлагает понимать профайлинг как совокупность социальных и психологических качеств преступника, проявившихся в ходе совершения им преступления и запечатлевшихся в следах преступления [18, с. 154].

По мнению Л.П. Ижниной и Д.Т. Рязанова профайлинг – это совокупность сведений о преступнике, имеющая розыскное значение, а именно возраст, внешние данные, социальное положение, профессиональная принадлежность, состояние здоровья, привычки и т.д. [14, с. 234].

По нашему мнению, профайлинг – это комплекс практических методов, которые позволяют составить психологический портрет человека и спрогнозировать его поведение.

Методологическим основанием профайлинговых технологий являются исследования А. Бухановского, Д. Дугласа, В.А. Лабунской, О. Фрайя, В. Фризена, М. Цукермана, К. Шерера, П. Экмана и др [11].

Сочетание данных подходов позволяет исключить случайный, стихийный характер в появлении актов индивидуального терроризма. Мы считаем, что именно отказ от мысли о случайном характере данного явления делает его феноменом, а также «подчеркивает не только сложность душевных явлений, но и их принадлежность уникальной конкретной жизни, субъективную значимость, событийность ее фрагментов» [22, с. 437].

При анализе индивидуального терроризма как феномена важным является рассмотрение его исторических истоков. Согласно данным отечественного специалиста по истории терроризма О.В. Будницкого [7, с. 65], справедливы точки зрения тех исследователей, кто относит появление терроризма в России к концу XIX в. Анализ О.В. Будницкого показывает, что терроризм как феномен не привязан к определенной территории, может возникнуть в любой стране по различным мотивам [6, с. 56]. Сам автор рассматривает появление терроризма в России, начиная с индивидуального революционного терроризма, возникшего в 60–80-х гг. XIX в. и задается вопросом: «Почему, примкнув к революционному движению, они оказались на «линии огня», ведь были же и другие формы участия?» [8, с. 8]. О.В. Будницкий, исследовав терроризм с социологической и исторической точки зрения, этот вопрос отдает на рассмотрение психологии.

Начало индивидуального терроризма в России было положено 4 апреля 1866 года, когда Д.В. Каракозов выстрелил в императора Александра II.

Каракозов Д. родился в с. Жмакино Саратовской губернии в обедневшей дворянской семье. Его отец был губернским секретарем в суде и умер в 1856 году, по некоторым сведениям, лишившись рассудка. Дмитрий был самым младшим ребенком в семье. Закончил мужскую гимназию, а затем учился в Казанском университете, но за участие в студенческих волнениях был исключен и находился под надзором полиции. Через три года он поступил на юридический факультет в Московский университет, откуда был исключен за неуплату. Чтобы чувствовать себя нужным обществу он вступает в кружок «Организация», внутри которой существовал более узкий круг под названием «Ад». Возглавлял его двоюродный брат Д. Каракозова Н.А. Ишутин. «Ад» был связан с револю-

ционной народнической организацией «Земля и воля», которая ориентировалась на освобождении крестьян с землей, введение общинного самоуправления. В ней обсуждались вопросы о свободе вероисповедания и о праве наций на самоопределение. Ими проводились пропаганда, агитация, однако не исключался и индивидуальный террор (против правительственных чиновников). Мысль о цареубийстве возникла в организации под влиянием бывшего учителя Ивана Худякова, общавшегося за границей с русскими эмигрантами в ссылке. Однако об исполнении своего умысла заявил лишь Д. Каракозов, а поддержал его только И. Худяков. У Каракозова Д. был найден пистолет, яд и два письма. На допросе Д. Каракозов стал говорить, что не принял яд, так как его охватил страх, а потом он узнал – другие члены кружка его не поддержали и отказались разделить с ним ответственность.

Если вспомнить, то Д. Каракозов был из числа интеллигентов, однако принадлежал к обедневшему дворянскому роду. Где только было возможно, говорил, что он дворянин. Однако фамилия Каракозовых не была утверждена в герольдии и в дворянские книги не записана. Предположим, что для поддержания своего статуса он получал образование, но был отчислен из двух университетов (за участие в студенческих волнениях и за неуплату). Стремление к самореализации и к самоутверждению в своем кругу заставило его вступить в революционное общество, организаторами которого были люди из числа интеллигенции (дворян, помещиков, офицеров: М.А. Натансон, А.Д. Михайлов, А.Д. Оболенев, Г.В. Плеханов). Из показаний Д.В. Каракозова: «эта партия имеет в своих рядах многих влиятельных личностей из числа придворных» [15]. Интересен тот факт, что А.Д. Михайлов, Г.В. Плеханов и многие другие были схожей судьбы с Д. Каракозовым – были отчислены из университета по тем же самым основаниям. В отношении организаторов кружка можно предположить, что в результате проявления гнева или беспомощности у них произошел сознательный отказ от своей социальной роли (теория негативной идентичности Э. Эриксона), от своего предназначения в качестве дворян, помещиков и офицеров. Как образованные люди они понимали, что вступать в конфронтацию с

правительством, с сложившимися социальными нормами, с целью удовлетворения своей потребности в самореализации, будет легче при поддержке людей, пострадавших от действий правительства, материально или морально ущемленных. Таким человеком оказался Д.В. Каракозов. Известно, что он болел, находился в тяжелом материальном положении, лишился образования, что делало его крайне уязвимым к разного рода воздействиям, в том числе к внушению: «Обстоятельства, предшествовавшие совершению этого умысла и бывшие одною из главных побудительных причин для совершения преступления, были моя болезнь, тяжело подействовавшая на мое нравственное состояние. Она повела сначала меня к мысли о самоубийстве, а потом, когда представилась цель не умереть даром, а принести этим пользу народу, то придала мне энергии к совершению моего замысла»; «с достижением политического переворота являлась возможность к улучшению материального благосостояния простого народа, его умственного развития, а через то и самой главной моей цели – экономического переворота» [15].

Некоторые авторы говорят о психической ненормальности Д.В. Каракозова, ссылаясь на то, что при нем, помимо пороха, пуль, пистолета, был найден морфий [4, с. 5]. Авторы выводят психическую ненормальность Д.В. Каракозова из возможности употребления им морфия. Заметим, что зависимость от психоактивного вещества может приводить к деградации личности, но не обязательно быть связанным с психическим расстройством. Мы полагаем, что, если бы его зависимость подтвердилась и имела причинно-следственные связи с покушением на убийство, то данные обстоятельства были бы отражены в обвинительном заключении прокурора.

Следующим в истории российского индивидуального терроризма стал 1878 год, когда В.И. Засулич стреляла в петербургского градоначальника Ф.Ф. Трепова и ранила его. Она стала первой женщиной-революционеркой в России, применившей метод индивидуального террора.

Вера Засулич родилась в д. Михайловка Смоленской губернии в обедневшей дворянской семье. Когда Вере исполнилось три года умер ее отец, остав-

ной капитан, «человек энергичный, но горький пьяница, который не смог упрочить материальное благосостояние своей семьи» [13]. Ее мать осталась с пятью детьми, одну из которых, Веру, отправила к родственникам в д. Бяколово. Там ее воспитанием занималась старушка-гувернантка Миминая, которая на формирование личности Веры оказала большое влияние. В три года Вера писала и понимала на русском и французском языках, знала много стихов и молитв. С родственниками у Веры не было эмоциональной связи, и только с Миминой девочка чувствовала себя принятой. Что ни говорила Миминая, воспринималось ей на свой счет, формируя чувство вины, жертвенности. Няня очень часто, оставаясь наедине с Верой, говорила ей «что-то тяжелое, неприятное, иногда страшное. Если я норовила отойти от нее, она возвращала меня на место. Когда она говорит со мной, она исполняет свой долг, а мой долг – слушать, пользоваться ее наставлениями, пока она жива. Скучное я пропускала мимо ушей, но страшное запоминалось»; «Тебе хочется убежать. Пожалеешь, когда я умру» [13]. Чувство одиночества и отстраненности от окружающих закладывались в неокрепшую психику Веры благодаря таким высказываниям Миминой как: «мы здесь чужие, нас никто не пожалеет» [13]. В. Засулич не хотела быть на вторых ролях, что выражалось в протестных формах поведения. Из воспоминаний В. Засулич: в Бяколово «никто никогда не ласкал меня, не целовал, не сажал на колени, не называл ласковыми именами» [13]. При разговорах о ее будущем, Вера, вспоминает, что с отвращением думала о нем – в силу мало обеспеченности своей семьи она понимала, что ей угрожает стать гувернанткой («я строила главные планы, как бы мне избавиться от этого» [13]).

Когда Вера подросла, ее отвезли в Московский пансион. Это было закрытое учебное заведение с суровой немецкой дисциплиной. В эти годы В.И. Засулич знакомится с людьми (брат и сестры Колачевские), которые состояли в «Организации» Н.А. Ишутина и привлекались по делу Д.В. Каракозова. В. Засулич находилась под впечатлением трудов К.Ф. Рылеева. Особенно на ее мировоззрение повлияла «исповедь Наливай-

ки» и «стала одной из главных моих святынь: «Есть времена, есть целые века, когда ничто не может быть прекраснее, желаннее тернового венка» [13].

В 1867 году она окончила пансион и, поступила на должность письмоводителя у мировой судьи в Серпухове. Позже она переезжает в Санкт-Петербург, где устроилась переплётчицей и, занимаясь самообразованием, ходила на курсы по педагогике и акушерству. Там она познакомилась с Нечаевым, бывшим учителем, который склонял ее к революционной деятельности. Анализ воспоминаний В. Засулич дает понять, что, не добившись своих целей прямым путем, Нечаев начал признаваться ей в любви, звать ее за границу и когда настало время отнести запрещенную литературу в одну из квартир, она не смогла ему отказать и в силу возраста (17 лет) не понимала о последствиях своих действий. Она была арестована, подверглась высылке из Санкт-Петербурга, находилась в ссылке в северных городах России. Впоследствии была под постоянным надзором полиции. Далее Вера вспоминает, что в эти моменты она стала понимать, что была лишь средством достижения целей Нечаева, хотя не разделяла его взгляды. После «исповеди Наливайки» это второе событие в жизни Веры, которое произвело на ее мировоззрение сильное впечатление: «я спокойна и только страшно на душе, – не от разлуки с жизнью на свободе, – с ней я давно покончила, была уже не жизнь, а какое – то переходное состояние, с которым хотелось скорее покончить» [13]. Как подчеркивает Е.Б. Старовойтенко, подобные настроения приводят к рефлексии: «я так живу, потому что каждый день отвоевываю у смерти», что является причинной детерминацией многих индивидуальных свершений [22, с. 454].

И такой случай вскоре представился. В 1877 году в доме предварительного заключения петербургский градоначальник Ф.Ф. Трепов за то, что политический заключенный революционер А.С. Емельянов (Боголюбов) не снял перед ним шапку, отдал приказ о сечении его розгами. Ф.Ф. Трепов своими действиями нарушил закон о запрете телесных наказаний. В. Засулич вместе со своей подругой Машей бросили жребий, который определил, что убийство совершит В. Засулич. Данный элемент предкриминальной ситуации дает нам основание

связать его с переживаниями страха, который, согласно воспоминаниям, В. Засулич испытывала накануне убийства («Страшной тяжестью легло на душу завтрашнее утро... Прилегшая рядом со мной Маша будит меня: я в самом деле кричу, только не в коридоре, а на своей постели. Опять засыпаю и опять тот же сон: против воли выхожу и кричу» [13]). Характер ее действий был осознанный – она узнала, когда принимает градоначальник, продумала план отхода (переодеться, чтобы, когда новость попадет в газеты, ее никто не смог узнать), приобрела новый более сильный револьвер. Засулич пришла на приём к Ф.Ф. Трепову, выстрелила в него с целью убийства («Если бы этого намерения не было, то можно было бы действовать оружием менее смертоносным» [17, с. 126]; она работала акушеркой и знала куда стрелять, чтобы причинить максимальный урон организму). После покушения в камере «я все сильнее и сильнее радостно чувствовала, что не то, что вполне владею собой, а нахожусь в каком-то особом небывалом со мной состоянии полнейшей неуязвимости. Ничто решительно не может смутить меня или хотя бы раздражить, утомить» [13]. Наблюдаемое нами радостное настроение, чувство довольства, не соответствующее объективным обстоятельствам (покушение на жизнь человека), наводит на мысль, что В. Засулич находилась в состоянии эйфории. Эйфория сопровождалась «замедленностью психических процессов, пассивностью, вялостью, отсутствием побуждений» [5]; «состоянием приподнятого настроения как защитной реакции организма» [19]. Позже В. Засулич в своих воспоминаниях пишет: «Не сочувствие к страданиям народа толкало меня в «стан погибающих» [13].

Таким образом, учитывая возраст, внешние данные, социальное положение, профессиональные склонности, а также факты биографии В. Засулич предстает перед нами с детских лет как личность не глупая, волевая, с встроенным чувством вины, жертвенности, одиночества и отстраненности от окружающих. Отсутствие отца и минимальное участие матери в ее воспитании, фрустрированная потребность в любви, принятии способствовали тому, что она легко поддавалась внушению со стороны противоположного пола, особенно лидеров,

жертвующих собой ради достижения цели. Образ мужчины-мученика, которому она готова была служить, а если придется и спасать, сформировался у нее в детстве под влияние чтения истории о Христе и собственной интерпретации его образа. Она считала, что женщина может быть наравне с мужчиной. В том числе стать лидером, хозяином своих поступков. Будучи в юношеском возрасте она испытала ряд разочарований, что сделало ее недоверчивой к некоторым людям и озлобленной. Впоследствии веру сохранила только в себя и в то дело, которое задумала, а именно стремилась за собой оставить след в истории, показать свою силу воли тем людям, которые не замечали и не оценили ее. Это являлось основной мотивацией ее действий.

Рассмотрение двух случаев индивидуального терроризма, полагаем, является не достаточным для того, чтобы выделить общее и особенное, характерное для данного феномена. Поэтому проследим его развитие в XX веке.

В 1900 году П.В. Карпович совершил убийство министра народного просвещения Н.П. Боголепова. В это время в России продолжались студенческие волнения, тянувшиеся с конца XIX в. От правительства требовали предоставить право женщинам на поступление в университеты, автономии университетов, а также равноправие евреев в получении образования. Своим противоправным действием П. В. Карпович выразил протест против «Временных правил» (1899 год) о сдаче студентов в солдаты «за дерзкое поведение, за грубое неповиновение начальству, за подготовку беспорядков или производство их скопом в стенах заведений и вне оных» [10, с. 935–936].

Петр Карпович родился в 1874 году в Черниговской губернии. Являлся внебрачным сыном владельца хутора Воронова Гутта бывшего помещика-Савельева. Последний своего сына не признал, но подарил его матери хутор «Виллы». По свидетельствам его сводной сестры на Петра сильное влияние оказывал отец, который, не уделяя достаточного внимания сыну, в его присутствии восхвалялся поступками революционеров («Так, когда Засулич выстрелила в Трепова, я помню, как отец Пети, восторгался ею» [23, с. 143]). Большое влияние на маленького Петю оказывал его учитель Смирнов, который также,

как и его отец, высказывался против российских порядков, ругая министров и царя.

В семье часто были конфликты и, когда Петру исполнилось 12 лет, его мать переехала в Гомель. Там он учился в гимназии, а затем перевелся в г. Слуцк. Поступил на физико-математический факультет Московского университета. Сильными познаниями в учебе он не отличался, ничем не выделялся среди других студентов до тех пор пока не вступил в студенческую организацию. Студенческая атмосфера движения против законов правительства полностью поглотила его, выделила его среди студентов, он стал узнаваем. Выскажем предположение, что внимание к нему, одобрение его поступков со стороны его сверстников, формировало в нем «смелость духа» и закрепляло в нем отрицательные формы поведения как единственно правильные и поощряемые. Он забросил учебу, а, чтобы поддерживать свой статус отрицательного лидера Петр порой не появлялся на экзаменах. Понимая, что его могут отчислить он попытался перевестись на медицинский факультет, но получил отказ и был оставлен на второй год. С целью сохранения своей роли и положения, П. Карпович вновь прибегает к протестной форме поведения – он стал одним из зачинщиков студенческих выступлений, был арестован и исключен из университета.

П.В. Карпович, не получив образования, приезжает к своей матери в Белоруссию, где в основном занимается физическим трудом, помогая по хозяйству. Не довольный своим положением и помня сопутствующий ему успех в студенческих организациях, он постоянно отправляет прошения о поступлении на медицинский факультет. Через два года Н.П. Боголепов, будучи министром народного просвещения, удовлетворил его прошение, и Петр был направлен в Юрьевский университет. Не вдаваясь в излишние подробности лишь отметим, что Карпович прибегает к аналогичным формам асоциального поведения, которые использовал во время учебы в Московском университете, что было обусловлено потребностью в социальном признании и привычным для этого моделям поведения, закрепившихся ранее. В свою очередь данная потребность сформировалась в детстве в силу лишения внимания со стороны отца. За уча-

стие в тайной организации «Союзный совет объединенных землячеств и организаций» и в студенческих беспорядках был исключен из Юрьевского университета.

Продав дом отца после его смерти, Карпович в конце 1899 года уезжает в Германию с целью поступить в Берлинский университет. Будучи один в незнакомой стране, он вскоре знакомится с русскими студентами, которые были членами кружка под руководством Е.Г. Левита (в прошлом член «Народной воли»), взгляды и отеческое отношение которого отразились на мотивации и поведении П. Карповича. Будучи в Германии, он узнает, что 183 киевских студента были отданы в солдаты, так как нарушили «Временные правила». Петр приобрел револьвер и приехал в Петербург с целью совершения убийства автора этого законопроекта, министра народного просвещения Н.П. Боголепова. В свои планы Карпович посвятил только Е.Г. Левита [9, с. 130].

В 1900 году Карпович зашёл в приёмную министерства просвещения на прием к Боголепову Н.П., дождался, когда министр повернётся к нему спиной, и выстрелил ему в шею. Карпович не пытался скрыться и был схвачен на месте.

Во время судебного процесса П.В. Карпович объясняя свои действия заявлял: «...я решил отмстить. Самый важный вопрос для меня был – убийство, второй – уйти от дела или желание жить; но жизнь и революционное дело сплелись у меня воедино» [20]. Его адвокат А.Н. Турчанинов привел тезис, что судят «...не обыкновенного убийцу, а человека идеи. Для таких людей, как Карпович, не страшны наказания, потому что, идя на свое дело, они уже заранее приносят свою жизнь в жертву. С такими людьми, с их идеями можно бороться только идеями» [20].

То, что Карпович жаждал внимания общественности, подтверждается воспоминаниями о нем В.Н. Фигнер (революционерка, отбывающая свой срок в Шлиссельбургской крепости) [23, с. 149]: «шел на эту жизнь молодой и стройный, бодрыми шагами и, улыбаясь, махал шляпой, делая привет по направлению к окнам тюрьмы»; «он написал очень горячую статью...за науку, за просвещение против насилия, произвола и попрания всех прав, и был очень дово-

лен, когда я похвалила изложение» (нужно заметить, что сначала Фигнер подвергла его идеи о значимости студенческих волнений критике); «...зритель был заинтересован в том, чтобы в тюрьме при нем соблюдалась тишина. Но Карповичу как раз вздумалось петь, и он развернул все свои обширные голосовые средства, наполняя все здание звуковыми волнами».

Истинные мотивы его действий проявились позднее, после ссылки: «Я больше не социалист и не революционер. Хочу быть буржуем. Буду жить как буржуа» [23, с. 152].

Через три дня в ночь на 9 марта 1901 года Н.К. Лаговский по личной инициативе совершил покушение на обер-прокурора Синода П.К. Победоносцева. На момент совершения преступления ему было 34 года.

Николай Лаговский родился в 1867 году в Самарской губернии. Воспитывался в полной семье. Его отец был чиновник – титулярный советник (старший помощник), не получивший титул потомственного дворянина. Воспитывался с двумя братьями. Являлся средним ребенком в семье. Согласно исследованиям Уолтера Томена, существует взаимосвязь между развитием личности и ее позицией, занимаемой в семье. Так, старший и младший дети при наличии среднего ребенка всегда являются любимцами семьи [2, с. 112]. Рональд У. Ричардсон подчеркивает, что при воспитании трех мальчиков, скорее всего у них будут конфликты из-за «власти» и недостатка взаимопонимания. Средние дети часто используют деструктивные способы с целью привлечения внимания родителей. Так, Николай своей семьей не имел, в отличие от старшего брата Александра, который обзавелся женой и тремя дочерьми. Но в тоже время средние дети научаются находить взаимопонимание с разными людьми, успешно вести дела. Из них получаются хорошие секретари и представители иных профессий в сфере обслуживания [21, с. 151–153].

Н. Лаговский учился в Самаре в духовном училище, затем поступил в костромскую духовную семинарию. Н.К. Лаговский вместе со своим младшим братом Михаилом, работал служащим – статистом Самарского губернского земства. Одновременно он посещал собрания в помещении учителя танцев Ка-

менского, на которых произносились речи, направленные против правительства, читались запрещенные произведения. В связи с этим он находился под надзором полиции и не имел права выезда из города. Можно предположить, что именно поэтому третью ступень в духовном образовании Николай не достиг, так как Духовные академии находились только в Москве и Киеве.

Ему запрещалось выезжать из города. Тем не менее, уговорив своего сослуживца и сказав ему, что едет на лечение в Казань, он выехал в Петербург по его паспорту.

Толчком к совершению противоправных действий стала слава Карповича, распространившаяся по всей России после покушения на Боголепова. Так как о террористах стали говорить как о «народных героях», можно предположить, что Лаговский, видя положительную реакцию общества на действия П. Карповича, решил выбрать тоже направление. Однако задумал взять выше, чем П. Карпович, а именно посягнуть на Победоносцева П.К. Заметим, что «Временные правила» стали исполняться именно с подачи П.К. Победоносцева. Тем более, слава в народе об обер-прокуроре Синода ходила самая прескверная, его называли «злым гением России» («Русскому народу образование не нужно, ибо оно научает логически мыслить»; «Поменьше школ»; введение цензуры; отлучение от церкви Л.Н. Толстого) [16].

Дознанием было установлено, что Лаговский прибыл из Самары в Петербург, имея при себе револьвер с целью совершения преступления против Победоносцева. Н. Лаговский находился на улице и ждал, когда обер-прокурор зайдет в свой домашний кабинет второго этажа. Анализ предкриминальной ситуации и особенностей личности Лаговского позволяет предположить, что он дистанцировался от Победоносцева, обезличил свою будущую жертву, что позволяло не преисполняться какими-либо чувствами к нему и вести себя более уверенно и хладнокровно. Помимо этого, его мировоззрение формировалось под влиянием обучения в духовной семинарии, где упор делался на очищение души человека, на соблюдении заповедей.

Когда Лаговский увидел силуэт человеческой фигуры в окне кабинета, он, совершил четыре выстрела в нее и промахнулся, попав в потолок. С учетом его поведения до выстрела можем предположить, что Лаговский находился в определенном эмоциональном состоянии (возможно страха), который либо блокировал возможность четкого прицела либо он боялся стрелять в человека, но «народным героем» быть хотел.

Согласно агентурным материалам Самарского губернского жандармского управления (СГЖУ) 10 марта 1901 года в помещении учителя танцев Каменского, был организован вечер с целью сбора средств исключенным студентам, пострадавшим от «Временных правил». Там же зачитывали телеграмму о покушении Н. Лаговского на Победоносцева, выкрикивая: «Браво, Лаговский» [16].

На допросе Лаговский заявлял, что в партии социал-демократов (эсеров) не состоял, но разделял их взгляды.

В рамках данной статьи мы достаточно полно описали становление личности лишь четырех террористов – одиночек, однако изучили их намного больше. Например, Младецкий И.О. покушался на М.Т. Лорис-Меликова (1880 г.), Николаев Л.В. убил Кирова С.М. (1934 г.), Ильин В.И. покушался на Брежнева Л.И. (1969 г.), Чингис Рзаев пронес на борт самолета самодельное взрывное устройство и взорвал его (1973 г.), семья Овечкиных по инициативе матери захватили и попытались угнать самолет (1988 г.), Зюльков А.В. захватил детский садик в Минске (1996 г.) и т. д.

В свете той информации, полученной благодаря синтезу исторического, психосоциального подходов и профайлингу, мы отметили общие детерминанты, характерные для террориста-одиночки:

1. Семья:

- выросли в семьях среднего материального достатка (обедневшие дворяне, ремесленники, служащие);
- были средними либо младшими детьми в семье;
- находились в атмосфере семейных конфликтов;

- испытывали потребность в принятии и любви, которая постоянно фрустрировалась (не удовлетворялась);

- отсутствие отца (смерть, развод, без вести пропавший).

2. Образование:

- не полное среднее или среднее (гимназия, пансион, семинария, школа, техникум);

- не приняты либо отчислены из университета за участие в незаконной деятельности или за неуплату.

3. Профессия:

- служащие среднего звена в государственных учреждениях и организациях либо уволенные из них;

- исполнительская работа, связанная с контролем, например, над здоровьем и безопасностью человека, делопроизводством, статистикой и т. д.

4. Мотивация:

- в зависимости от возраста террориста обида на то, что при сильном желании не получалось повысить свой уровень образования либо занять более высокую должность;

- отвергнутость (отчисление из университета, увольнение с работы, разрыв отношений с любимым человеком);

- самоутверждение и самореализация («войти в историю»);

- привлечение внимания к себе деструктивными методами;

- в основе лежат личные мотивы, прикрытые общественными (обвинение власти, упор на страдание народа, на введение цензуры и т. д.).

5. На их мировоззрение *оказывали влияние* педагогические работники либо террористы прошлого, которые стали для них примером (социальная детерминация перешла в субъектную).

6. До совершения теракта находились под надзором полиции.

7. *Общие личностные особенности:* накануне противоправного действия находились в определенном эмоциональном состоянии (страх, гнев), а после совершения пребывали в шоковом (от англ. shock – удар, потрясение) либо сту-

порозном состоянии (от лат. *stupor* – «оцепенение»); недостаток мужественности, эгоцентризм, отчужденность, потеря жизненных целей.

Также нами были выделены отличия между террористами-одиночками:

- 1) пол (мужчины и женщины);
- 2) возраст (от 21 до 43 лет);
- 3) национальность;
- 4) по отношению к религии: верующие и атеисты;
- 5) по состоянию здоровья: здоровые и страдающие пограничным душевным расстройством;
- 6) по способу совершения преступления: использование огнестрельного оружия (в случае, если жертва обозначена) либо взрывное устройство (без обозначения адресата).

Так что же такое индивидуальный терроризм? Под индивидуальным терроризмом мы понимаем акт самостоятельного волеизъявления террориста-одиночки, в силу своих личностных особенностей находящегося под влиянием идей конкретного лица (группы лиц) и действовавшего без их непосредственного поручения против жизни и здоровья граждан.

В заключении отметим, что, современный индивидуальный терроризм имеет одни и те же общие истоки, как и 150 лет назад. Проследив развитие данного феномена, мы предполагаем, что индивидуальный терроризм – это явление не случайное, закономерное и являющиеся предвестником начала массового терроризма. Как известно, сначала создаются условия, а потом совершаются преступления. Считаем, что продуманная политика в области семьи, улучшение экономических и моральных условий ее существования, а также развитие духовной сферы жизни общества, станут эффективными методами в борьбе с индивидуальным терроризмом.

Список литературы

1. Абульханова-Славская К.А. Состояние современной психологии: субъектная парадигма // Предмет и метод психологии: антология / Ред. Е.Б. Старовойтенко. – М.: Академический проект, Гаудеамус, 2005. – 511 с.

2. Бейкер К. Теория семейных систем Мюррея Боуэна. Основные понятия, методы и клиническая практика / К.Бейкер, А.Я. Варга. – М.: Литагент «Когито-Центр», 2005. – 496 с.
3. Богомолова С. Криминалистическая психология / С. Богомолова, В. Образцов. – М.: Закон и право, 2002. – 448 с.
4. Бодунова О.Г. Идеино-психологические мотивы преступлений террористической направленности в России // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). – №2. – 2007. – С. 18–29.
5. Большая советская энциклопедия: в 30 т. / Гл. ред. А. М. Прохоров. – 3-е изд. – М.: Сов. энцикл., 1969–1978.
6. Будницкий О.В. «Кровь по совести»: Терроризм в России (вторая половина XIX – начала XX в.) / Документы и биографии. – Ростов н/Д: Изд-во РГПУ, 1994. – 255 с.
7. Будницкий О.В. Истоки терроризма: 1860-е // За строкой учебника истории. – Ростов н/Д.: Феникс, 1995. – 398 с.
8. Будницкий О.В. Женщины-террористки в России. – Ростов н/Д: Феникс, 1996. – 633 с.
9. Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX в.). – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. – 358 с.
10. Высочайше утвержденные Временные правила об отбывании воинской повинности воспитанниками высших учебных заведений, удаляемые из сих заведений за учинение скопом беспорядков // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 3-е: в 33 т. – Т.19. – №17484. – СПб: Гос. тип., 1885–1916. – 562 с.
11. Ekman P. Body movement and voice pitch in deceptive interaction / P. Ekman, W.V. Friesen, K.R. Scherer // Semiotica. – 1976. – №16. – P. 23–27.
12. Zuckerman M. Verbal and nonverbal communication of deception M. Zuckerman, B.M. DePaulo, R. Rosenthal // Advances in experimental social psychology. – NY, 1981. – V. 14. – P. 1–57.

13. Засулич В. Воспоминания. – М.: Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев. – 1931[Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.libros.am/book/read/id/342649/slug/vospominaniya-50#n_8
14. Ижнина Л.П. Значение криминалистических следов и психологического портрета неизвестного преступника в расследовании серийных сексуальных преступлений / Л.П. Ижнина, Д.Т. Рязанов // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. – №4. – 2009. – С. 232–236.
15. Из показаний Д.В. Каракозова следственной комиссии по делу о покушении на Александра II 4 апреля 1866 г./ГАРФ. Ф. 272. Оп. 1. Д. 11.
16. Историческая Самара. 1901 г. Главное самарское событие года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://историческая-самара.рф/>
17. Кони А.Ф. Речь обвинителя товарища прокурора К.И. Кесселя / А.Ф. Кони // Избранные произведения. – Том 2. – М.: Государственное издательство юридической литературы, 1959. – 542 с.
18. Коньшева Л.П. Психологическое портретирование – к вопросу о методологии // Следственная практика. – 2003. – №4. – С. 153–167.
19. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. – СПб.: Норинт, 2000.
20. Приговор по делу Карповича [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ngasanova.livejournal.com/124869.html>
21. Ричардсон, Рональд У. Семейные узы, которые связывают / Серия «Магическая формула». – Ростов н/Д: Феникс, 1997. – 185 с.
22. Старовойтенко Е.Б. Модели как перспектива теоретической психологии // Предмет и метод психологии: антология / Ред. Е.Б. Старовойтенко. – М.: Академический проект, Гаудеамус, 2005. – 511 с.
23. Фигнер В. Собрание сочинений в 6-ти томах. – Т.4. Шлиссельбургские узники. – 2-е изд., пересмотр. – М.: Всесоюз. о-во полит. каторжан и ссыльно – поселенцев, 1928–1930. – 319 с.